

Жертвы исчезновения. Почему заключенного так легко потерять в тюремной системе России

■ ■ ■ [bbc.com/russian/articles/cy9elzq44q7o](https://www.bbc.com/russian/articles/cy9elzq44q7o)

«Жертвы исчезновения». Почему заключенного так легко потерять в тюремной системе России

Автор фото, TASS

Подпись к фото,

Заклученные в российских колониях имеют хотя бы частичный шанс на защиту и внимание адвокатов. При этапировании об их положении не известно ничего

23 декабря 2023

Многодневное отсутствие известий об Алексее Навальном напомнило о проблеме с пропажей заключенных в недрах системы исполнения наказаний. Правила, позволяющие скрывать местонахождение арестанта «на этапе», продиктованы логистикой перевозок, но могут использоваться и для давления. Правозащитники называют это «насильственными исчезновениями».

Пропажу Навального отсчитывают с 6 декабря — тогда он не появился по видеосвязи на судебном заседании. Единственным документальным ответом на вопросы о том, где он, стала справка Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) от 12 декабря,

из которой следовало, что политик убыл из Владимирской области. Требования соратников Навального объяснить, где он, остаются без ответа.

«У властей нет обязательства информировать о том, куда заключенный перемещается, — говорит Наталья Таубина, руководитель правозащитного фонда „Общественный вердикт“ (объявлен в России „иностранным агентом“). — Нормы не говорят о том, что это должно быть скрыто, но указывают на отсутствие информирования по соображениям безопасности. Этапирование может длиться неделями, а то и месяцами — и получается, что заключенный может находиться в полной изоляции».

В последние годы о таких случаях сообщают все чаще. Почти всегда тревогу бьют в отношении заключенных, чьи дела связаны с политическими преследованиями.

Перевес «политических» в статистике таких исчезновений может объясняться и тем, что их судьба находится в центре внимания правозащитников, они поддерживают плотный контакт с адвокатами — их исчезновение на время этапа очевидно бросается в глаза.

В череде недавних длинных «выпадений» политзаключенных из контакта с адвокатами и родственниками — дело Андрея Пивоварова, бывшего руководителя «Открытой России», которую власти России считают нежелательной организацией. В июле 2021 года по обвинению в участии в деятельности этой организации он был приговорен судом в Краснодаре к четырем годам колонии, а в декабре 2022 года после рассмотрения апелляции был этапирован из СИЗО в неизвестном направлении.

В середине января этого года Пивоваров вышел на связь из СИЗО в Петербурге — и затем снова исчез на месяц. Заявления и обращения правозащитников не помогли прояснить ситуацию до тех пор, пока 20 февраля на вопрос о его местонахождении не ответили в колонии №7 в Карелии. В разговоре с матерью Пивоварова сотрудники колонии признали, что заключенного к ним привезли еще 24 января. Связаться он ни с кем не мог, так как сразу же был помещен в зону строгого содержания.

«По большому счету, такие состояния в международном праве называются „насильственным исчезновением“ — человек находится в изоляции под полной властью представителей власти и с высокими рисками пыток, жестокого обращения, любого произвола и без какой-либо возможности пожаловаться на эти действия и даже сообщить о них», — считает Таубина.

Сейчас неизвестно местонахождение бывшего муниципального депутата из Москвы Алексея Горинова, осужденного в июле 2022 года за антивоенные высказывания. 62-летний Горинов содержался в ИК-2 Владимирской области и в начале декабря вновь пожаловался на очень плохое самочувствие.

В последний раз, 8 декабря, осужденного видел его адвокат и забил тревогу — Горинов выглядел так плохо, что не мог ни сидеть, ни говорить. С тех пор адвоката в колонию не пускают, и где Горинов — неизвестно. О его (гипотетическом) этапировании в больницу за пределы колонии ФСИН сообщать тоже не обязана.

С заявлением по этому поводу выступила специальный докладчик ООН по вопросу о положении в области прав человека в России Мариана Кацарова: «Алексей Горинов стал жертвой насильственного исчезновения. Как и в случае с Алексеем Навальным, насильственное исчезновение и содержание Горинова под стражей без связи с внешним миром, равнозначное пыткам и жестокому обращению, подвергает его риску дальнейших нарушений прав человека, включая лишение жизни».

Но долгое отсутствие связи — удел не только политических заключенных. В январе из Читы в колонию в Красноярске этапировали Дмитрия Ведерникова, отбывающего 22-летний срок по обвинению в организации убийств и грабежей в составе организованной преступной группы. Затем из Красноярска этап двинулся куда-то еще. Жена обнаружила Ведерникова только 15 марта в колонии в Тульской области.

Зигзаги железной дороги

Автор фото, TASS

Подпись к фото,

Этапирование по железной дороге обрекает заключенных на долгие путешествия со многими пересадками

Одно из самых простых объяснений долгому перемещению заключенных по этапу — то, что везут их по железной дороге. В специальных, так называемых «столыпинских» вагонах, прицепляемых к обычным пассажирским поездам.

В этих вагонах без окон, с решетками, отделяющими от коридора купе на шесть лежаков (часто в это пространство набивают вдвое больше людей), арестанты путешествуют отнюдь не прямым маршрутом.

«Заключенные едут из разных мест в какую-то транзитную зону, там собирают какое-то их количество, а дальше вагон прицепляют к маршруту, который едет приблизительно в том направлении, где им надо отбывать наказание или же быть в СИЗО для проведения следственных действий. И таких зигзагов и транзитных остановок может быть бесконечно много», — объясняет Таубина.

У воронежца Романа Хабарова путь в колонию для отбывания наказания занял 35 дней. Хабаров — бывший участковый милиции — получил известность в начале 2010-х после интервью, в которых рассказывал о деградации российских правоохранительных органов. Позже он участвовал в оппозиционных акциях (среди них — знаменитый «Марш миллионов» на Болотной площади в Москве) и занимался правозащитной деятельностью.

В 2014 году его арестовали по обвинению в незаконной организации азартных игр — по мнению Хабарова, оно было совершенно не обоснованным. Долгое судебное разбирательство закончилось в Воронеже в ноябре 2018 года. До рассмотрения апелляции Хабарова поместили в СИЗО в Самаре. Затем увезли в Сызрань. А когда прошел апелляционный суд и приговор вступил в силу, увезли обратно в Самару. Оттуда — в Ульяновск. Потом, через Казань и Ижевск, в Екатеринбург.

«Я понимал, что меня везут либо Кирово-Чепецк, либо Нижний Тагил, так как колоний общего режима для бывших сотрудников правоохранительных органов в европейской части России всего две, — рассказывает Хабаров. — Но потом меня повезли обратно через Ижевск в СИЗО Кирова — и только затем в Кирово-Чепецк».

«Каким-то здравым смыслом или практичностью невозможно объяснить некоторые логистические нюансы того, как работает этап ФСИН, — считает Хабаров. — По соседству в этапе были люди, которые ехали из Ростова в Воронеж через Самару, из Москвы в Самару через Воронеж или из СИЗО Новороссийска в Сызрань».

По его словам, злого умысла или попытки как-то задержать его на этапе в его случае не просматривалось. Но бывает иначе.

«Бывает ситуация, когда на этапе применяли побои, силу, пытки. Тогда этапирование удлиняется до тех пор, пока не сойдут следы, — говорит адвокат Ирина Бирюкова, работавшая в делах о пытках заключенных. — Где-то человека передерживают в

„транзитке“, никому не показывают, дольше везут».

И само по себе этапирование с еще более ограниченным, чем в тюрьме, питанием, лечением и общением может быть инструментом давления.

«Есть случаи, когда намеренно направляют на этап важных свидетелей или тех, кто никак не хочет становиться свидетелем, а получить от него показания надо, — знает Бирюкова. — Давление на него в колонии может быть чревато — он может сообщить родственникам или адвокатам, и это всегда контролируемый процесс. А на этапе невозможно процесс контролировать, его можно „катать“, намеренно ухудшая условия. Не давать лекарств, еду не давать, в туалет не водить и так далее. И процедура эта бесконтрольная по срокам — возить можно сколько угодно».

Автор фото, TASS

Подпись к фото,

Виктору Филинкову, одному из осужденных по делу «Сети» (общество признано в России террористическим и запрещено), принадлежит печальный рекорд по длительности этапирования — полтора месяца летом 2020 года

«Изощренное, длительное и покрытое тайной издевательство»

Большинство известных случаев исчезновения на этапе в последние годы связаны с резонансными уголовными делами.

Летом 2018 года на месяц при переводе из тюрьмы в Петербурге в СИЗО Пензы пропали фигуранты дела «Сети» Виктор Филинков и Юрий Бояршинов. В октябре 2021 года две недели ничего не было известно о Максиме Иванкине, к тому моменту уже получившему срок по этому делу, но оказавшемуся под следствием по новому подозрению в убийстве.

Филинкова после суда в Петербурге, назначившего семь лет лишения свободы, везли в колонию в Оренбурге 45 дней — через Вологду, Киров, Екатеринбург и Челябинск. Общественный защитник Филинкова Евгения Кулакова описала перипетии это путешествие в очерке для «Медиазоны» (издание объявлено в России «иноагентом»). «Этапирование в России — это изощренное, длительное и покрытое тайной издевательство над заключенными и их близкими», — писала она.

В начале 2022 года адвокат целый месяц искал Романа Пичужина — одного из осужденных по «дворцовому делу» (после акций протеста, связанных с фильмом соратников Навального о дворце под Геленджиком). В начале прошлого года на три недели пропал Ринат Нурлыгаянов, осужденный за участие в организации «Хизб-ут-Тахрир» (признана в России террористической и запрещена). Это исчезновение совпало с рассмотрением материалов по его жалобе в ЕСПЧ на приговор — в 2018 году он получил 24 года колонии.

4 сентября этого года из СИЗО в Москве увезли Владимира Кара-Мурзу, приговоренного к 25 годам лишения свободы. Через 17 дней адвокаты политика обнаружили его в омской колонии строгого режима №6. Путь туда лежал через СИЗО в Омске, где Кара-Мурзе определили содержание в ШИЗО. Прибыв в колонию, оппозиционер сразу отправился «досиживать» неотбытое наказание в изолятор ИК-6, но сумел оповестить о приезде своего адвоката.

Автор фото, Reuters

Подпись к фото,

Соратники Навального не могут найти политика уже две недели

Отправить весточку непросто

В пересыльных тюрьмах арестанты ищут способ сообщить о себе. Сделать это по разрешенным каналам непросто из-за временного, транзитного положения перемещаемых.

«В большинстве случаев мы находимся в непонятном статусе: мы ночуем в СИЗО, а там даже нет наших личных дел. Мы временные постояльцы, наши дела закрыты до того, пока за нами не приедет следующий этап. Поэтому на всякий случай не разрешали ничего, — рассказывает Хабаров. — Но четкой системы тоже не было. В Казани нам прямо сказали: у кого есть разрешения на звонки — можете пойти и позвонить».

У Хабарова такого разрешения не было.

Можно попытаться счастья и познакомиться с соседями по камере, у которых может быть спрятанный от надзирателей мобильный телефон. Среди подзащитных адвоката Бирюковой были те, кто умудрялся подобным образом передать ей или родным сообщение о том, где находится.

Но, подчеркивает она, осужденные за политические дела, да и просто важные для следствия или тюремной системы заключенные, скорее всего, будут изолированы на время транзита, а тюремное начальство постарается гарантировано лишить их возможности для связи.

«Чтобы адвокат не стоял сразу под воротами, чтобы СМИ не поднимали шум, чтобы к колонии не привлекать лишнего внимания. О том, что он в этой колонии, могут узнать спустя 10-12 дней после карантина — никто кроме сотрудников не будет знать, что он тут», — рассказывает Бирюкова.

И уж совсем отдельные правила существуют для самого известного политического заключенного в России. Отправив под арест адвокатов, работавших с Навальным долгие годы, и почти полностью перекрыв возможность для общения с новым защитником, власти позаботились о том, чтобы информация о его перемещениях не утекла от конвоирующих и сотрудников любых тюрем на пути.

«Система очень собирается, когда ей надо, — комментирует Бирюкова. — Когда ей действительно надо, там мышшь не проскочит».